

ДИКИЕ И ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ В СТРАТЕГИЯХ ВЫЖИВАНИЯ И АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1941–1945 гг.: ОТВЕТ УСТНОЙ ИСТОРИИ НА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (рук. д-р ист. наук Т.К. Щеглова).

На основе экспедиционных материалов демонстрируется значение устной истории как метода и источника для антропоцентрической реконструкции культуры жизнеобеспечения тылового земледельческого общества юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы взаимоотношений деревенского социума с окружающим ландшафтом и адаптационные практики в условиях голода и холода по линии «крестьянская семья и общество – дикие звери (волк, суслик) и домашние животные (собака, корова)» в борьбе за ренту при ограниченных возможностях семейного производства в колхозном и совхозном обществе.

Ключевые слова: земледельческое общество; колхозная семья; война; стратегии выживания; белковая пища; коженное и меховое сырье; волки; суслики; собаки; коровы.

Антропологический переворот в исторической науке поставил в центр изучения человека. Важнейшими вопросами антропологических исследований являются адаптационные механизмы культуры жизнеобеспечения земледельческого населения Сибири в периоды ухудшения условий жизнедеятельности и хозяйствования. В XX столетии к таким периодам относились годы войн, репрессий и многочисленных кардинальных переустройств сельского общества. Их исследование возможно в междисциплинарном взаимодействии антропологии и устной истории как нового метода и источника социогуманитарных исследований. В отличие от других видов документов, источники, создаваемые на основе различных видов опроса, отличаются человеческим измерением прошлого, основанным на эмпирическом опыте.

Устная история формируется как «история снизу вверх» (жизненный опыт человека на повседневном уровне), как «история изнутри» (непосредственного участника исторических событий), «как история сверху вниз» (представления и опыт людей от власти). Автор публикации давно пишет о том, что «информация для реконструкции недавнего прошлого хранится не только в архивах, но и в окружающем историка мире: коллективной и индивидуальной памяти человека, в культурном ландшафте каждого населенного пункта, в семейных преданиях и семейных архивах. Именно с этими источниками историки не достаточно умеют работать, в том числе методически и научно грамотно получать информацию с помощью опроса ее носителей» [1. С. 210].

Именно создаваемые опросом «человеческие документы» позволяют реализовать современные антропологические и гуманистические подходы «Человек в истории», «История в человеке» за «счет введение в научный оборот устных интервью с ранее «немолчующими», «безгласными», «безголосыми» слоями общества, «безмолвствующим большинством». «История снизу вверх» как исследовательский подход позволяет ученому услышать и увидеть то, что изучаемое общество не сумело или о чем не

позаботилось в силу разных причин о себе рассказать; фиксировать социально-культурную информацию тех членов общества индивидов или социумов, которые не смогли оставить свой «письменный след» в архивах [1. С. 212].

Материалы интервью многолетних авторских историко-этнографических экспедиций (1990–2015 гг.) являются антропоцентрическими документами, позволяющими сделать вывод об адаптационных практиках и замещающих технологиях сельского земледельческого населения с опорой на возможности «кормящего ландшафта» в борьбе с холодом и голодом в ходе тех исторических событий, которые сопровождалась неблагоприятными условиями, как это было в годы Великой Отечественной войны. Среди повседневных практик в это время в системе питания фиксируются развитие собирательства трав-дикоросов, ягод, грибов; развитие ловчих, лесных и соляных промыслов (суслики, сурки), рыболовства, охоты. Для возведения жилища отмечено использование таких строительных материалов, как дерн, глина, солома, «колья», камыш; для отопления жилища – применение хвороста, сучьев, шишек, полыни, соломы, коровьих «лепешек» и т.д.

В этом смысле одним из путей адаптации являлись обращение земледельческого населения к возможностям «кормящего ландшафта» и «откат» к крестьянской традиционной системе преодоления трудностей. Работа в этом направлении показала, что существовали определенные различия в условиях жизни в годы войны между народами-земледельцами и народами-скотоводами. К первой группе мы относим народы юга Западной Сибири в зоне преимущественно земледельческого развития с преобладанием традиционного крестьянского труда ратника-пахаря. Для них, как известно, характерны черты культуры оседлых земледельцев со стационарным проживанием в постоянных поселениях. Это и русские, и мордва, и немцы, и украинцы, и другие народы Верхнего Приобья, являвшиеся как старожилы, так и насильственно переселенным в ходе депортаций и репрессий населени-

ем. Иная ситуация была у скотоводческих сообществ сопредельных территорий Верхнего Прииртышья, представленных казаками-скотоводами. В годы войны их культура, основанная на «симбиозе» человеческого сообщества со скотом, оказалась более адаптирована к военным условиям. Этот сравнительный аспект требует самостоятельных исследований, выявления как сходных, так и отличительных черт. И продвижение в этом направлении возможно с помощью технологий устной истории, создания архивов устных источников представителей скотоводческих и земледельческих культур [2]. Государственные фондохранилища, нацеленные на обеспечение документацией административных запросов, мало ориентированы на создание антропоцентрических источников. В этом заинтересованы исследователи, прежде всего, занимающиеся изучением недавнего прошлого.

В отношении земледельческого населения новые источники, создаваемые с помощью методов устной истории под руководством и при участии автора публикации, позволяют обратить внимание научного сообщества на потенциал традиционной культуры земледельцев, благодаря которому деревенское сообщество выработало жизненные стратегии в борьбе с голодом и холодом при минимуме помощи государства, сконцентрировавшего усилия на решении вопросов обеспечения фронта.

При этом требует самостоятельного изучения позиция государства, которую можно назвать своеобразным откатом, выражающимся в призывах к региональным властям повернуться к традициям крестьянского производства (после социалистической модернизации сельского хозяйства и крестьянского общества 1930-х гг.) с опорой на собственные силы (вопреки предвоенной политике раскрестьянивания). Имеются в виду попытки государства организовать в регионах производство деревянной обуви или на деревянной подошве; изготовление щелока и мыла из природных материалов, а также хвойного порошка в качестве витаминного средства и др. Издавались многочисленные постановления об использовании коров в колхозном производстве и на приусадебном подворье.

Однако если по нормативно-распорядительным указаниям и отчетам администраций существует архивный материал как на уровне федеральных, так и региональных фондохранилищ, то о повседневных практиках адаптации к неблагоприятным условиям на уровне крестьянской семьи большим подспорьем являются новые источники, основанные на эмпирическом опыте – материалы интервью (устные исторические источники). Их анализ показывает, что в конкуренции вокруг ресурсной ренты в годы войны у земледельческого населения с домашними животными отношения приобретают форму симбиоза, а с дикими хищниками обостряется борьба не только за природные ресурсы, но и за источники белка.

В качестве основного конкурента человека в борьбе за белковые ресурсы в годы войны выступал волк. Контент-анализ интервью всех возрастных категорий респондентов юга Западной Сибири показывает расширение ареала охоты хищников с его приближением к деревне. «Овечек держали, смотря как-то волк забе-

рется, сожрет. Вот, сараи то были какие [непрочные, чаще всего плетенные и мазанные]!? Сараюшки! А тогда волки ходили... залазили» [3].

Увеличение поголовья диких волков и сокращение поголовья домашнего скота способствовали тому, что волки в годы войны плотно «окружили» поселения, которые стали концентрацией «белковой пищи». При этом отношения человека с хищником складывались не столь однозначные. Зафиксированные истории показывают, что волки не трогали человека. «А волки!? Да, было волков! Страшно было... Один раз мама погнала овечек... там 6 км было до совхоза идти с выпасов. А я [иду к ней навстречу]. А, она, волчица, вывела своих трех волчат и по берегу речки идет. А мама кричит: “Манька вернись, Манька вернись”. Но меня она не тронула, она так пошла и пошла» [Там же]. Такие истории не единичны и требуют осмысления, особенно в свете междисциплинарных диспутов о волках, в частности – регулировании их численности, в общем – в вопросах сохранения экосистем и вмешательства человека в их функционирование.

По материалам интервью выявляются несколько мест встречи человека и хищника в борьбе за белковую ренту – это производственный сектор общественного хозяйства со скотными дворами (кошарами), места выпасов скота и пастбища и личное подворье колхозника. Половозрастной и гендерный перекос оседлого деревенского сообщества с преобладанием женщин, подростков, детей и мужчин-инвалидов ослабил земледельческое население. Мобилизация мужчин привела и к тому, что сельское общество осталось безоружным в борьбе с хищником. По словам респондентов, «ни стрелять нечем было. Не было тогда никого ни ружья, того. Тогда одни бабы были, да этот дед – старик» [4].

Для волков объектом охоты, как показывают устные свидетельства, был мелкий скот – овцы и телята, местами концентрации которых являлись выпасы, а из скотных дворов – кошары и телятники. В производственном секторе основная работа после мобилизации мужчин легла на женщин. А главным орудием борьбы, как и в традиционном крестьянском обществе, являлись огонь и свет, в других случаях – громкие звуки (звон железных предметов утвари или орудий производства). В одном из устных источниках так описывается типичный случай: «Мама сторожила [кошару с овцами]. Идет, и за ней собака идет. Анка звали. Она: “Тяв-тяв, тяв-тяв”, а туда [вперед] боится [идти]. Мама туда фонарь [посветила], он выходит, волк, и попер на маму. Мама ему фонарь... Говорят што [волк] боится [света, огня]. Он не боялся, тогда не боялись ни огня эти волки, никого не боялись. Мама пятилась-пятилась, упала... Ей этот фонарь, он толи отскачил, толи... Она тогда кричала... все люди высказали, которые там работали ночью. Услыхал бригадир, ну и отогнали этого волка» [4].

Военное время обострило ситуацию борьбы за белковую ренту. Потеря общественного имущества признавалась вредительством и порчей, а работников колхозов и совхозов судили за это. Поярок судили за гибель телят; овцеводов – за гибель ягненка. Страх наказания для земледельческого общества стал важным

аргументом в борьбе с волками: «И волки были, и они [овцы] дохли, и бригадир ругался. Один раз бригадир как на маму заматерился... ягненка [дохлого хватает] подходит, маму [бьет им], а я как подбежала как толконякнула его, так он улетел. А он на меня матерком: “Выблядок!” На маму [замахнулся], на меня и тоже хотел этим ягненком. А я не дала маму бить. А он меня не стал бить, и мы погнали с мамой овечек» [4].

Как показывают устные источники, голод волков и страх человека перед военным судом делали и тех и других более бесстрашными: «Эта Манька караулит, а он, змей, подкрался, схватил ягненка, на плечо завалял и попер. И она поперлась за ним. Там она перлась, он бежал, и прямо близко бежали. Ямы их, норы. Она бежала за ним, и он забежал в нору, залез, а ягненка бросил на улице. Машка взяла этого ягненка и домой принесла, но он задавил его уже. Принесла бригадире показывать, а то скажут, что сожрали, страшно это было [потерять скот совхозного стада]» [Там же].

Главным аргументом развернувшейся борьбы человека и хищника стал голод. Борьба с голодом одинаково и для человека, и для волка обострялась зимой, когда природные ресурсы были ограничены. К этому времени основным источником питания для крестьянской семьи являлись летние заготовки и домашнее подворье, а у волков подрастали летние выводки, охота же по глубокому снегу ограничивала возможности волчьих стай, толкая их в места концентрации домашнего скота. Поэтому территориями борьбы между человеком и хищником являлись кошары, скотные дворы или домашние стайки. «Зимние волчьи охоты» совпадали с обрядностью земледельческого календаря, что делало более частыми встречи человека и животного: «Они выведутся, особенно в феврале... когда Святки, когда они гуляют эти волки. Такая орава на Золотушку [поселок]» [Там же]. Респонденты рассказывали, что во время святочных шуликований или рождественских славилков люди сталкивались с волками в границах жилой среды.

В условиях конкуренции между волчьими стаями и человеческим сообществом союзником человека и в прямом и переносном смысле выступила собака. Она оказалась в центре антропоцентричной модели земледельческого социума военного времени, а устные свидетельства позволяют анализировать антропогенные факторы повседневной военной жизни. Они демонстрируют, что во время войны поголовье собак выросло, так как их стали разводить для разных целей. Их использовали как пастухов колхозного скота, как сторожей личного и колхозного подворья, как источник сырья для пошива одежды, головных уборов, обуви, рукавиц и т.д.

Увеличивали значение собак в войну необходимость замещения мускульной силы в колхозном и домашнем производстве и потребность замещения овчин и кож домашнего скота собачьими шкурами и т.д. Есть устные свидетельства, что на Алтай в годы войны привозили специально выученных пастушьчих собак с навыками пастыби скота, но они не были готовы к борьбе с хищниками. Один из респондентов так описывал взаимоотношения человека, пастушьчих

ей собаки и волка в данном случае: «А сколько собак было!? Привозили, даже из Москвы собак этих овечек караулить... А [волки], все они прямо придут и задавят [овец]. И вот один был кобель Тарзан, серый, такой же, как волк. Они его [пса] не трогали. И сестра моя старшая... погнала [овец]. И они, три штуки [напали]... И он, змей, никого не гоняет... Ну че делать? Она отбивалась, отбивалась, кричала-кричала, двое отошли волков... а третий уцепился за барана и тащит... Тогда сестра, у нее фуфайка была... она как бросила на него, на этого на волка, на барана, и волк отскочил. Тамарка тогда схватила этого барана и тогда крикнула этому Тарзану: “Тони!” Он [это] хорошо понимал. “Тони домой!” И он как закрутил эту отару, и домой. А этого барана она кое-как приперла на ту JURKE. Он [волк] его задавил, а надо же отдать, а то скажут, что ты продала его [барана] или куда-нибудь. Надо бригадире показать» [4].

В годы войны отмечалось не свойственное земледельческому населению использование собак в качестве транспортного средства. В данном случае можно говорить о замещающих технологиях и адаптации колхозно-крестьянского общества к условиям ликвидации земледельческого сообщества традиционной тягловой силой. Как известно, в традиционной крестьянской культуре сибирского населения основным тяглом являлась лошадь. В период коллективизации и раскулачивания крестьянская семья лишилась лошадей, а в годы войны лишилось лошадей и обобщественное колхозно-совхозное производство. Поэтому одним из транспортных средств стала собака. Чаще всего фиксируется использование собак детьми, прежде всего для перевозки топлива в зимнее время на самодельном «возке», или «саночках». На них ездили по глубокому снегу за хворостом, валежником, сухостоем, сучьями. В годы войны заготовка и доставка топлива превратились в трудовые обязанности детей. Респондент так рассказывал: «Дети... запрягали собаку в сани. И на ней возили ветки деревьев, сучки для топки, добывали пропитание» [5. Сапа (Ковтун) Марфа Иосифовна]. Устные свидетельства показывают, что при этом собака использовалась только для перевозки топлива, сами дети шли рядом. Катание на собачьих упряжках фиксируется только как забава детей в зимнее время. По устным свидетельствам можно восстановить и приспособления для запряжения собак. По описанию одного из респондентов, они были похожи на конскую упряжь: «Собаке [глухонемой брат] сшил хомут, ошейник, санки сделал. Он у нас... рукодельный... Берет этого кобельшка, ведет, приезжает туда, сразу там нарубает как в печку ложить...» [3].

Одной из замещающих технологий в повседневных практиках военного времени было разведение собак с целью получения сырья (шкур) для изготовления зимнего гардероба. «Собак держали, потощо собаку убьють и сошьот себе эти рукавички-мохнашки¹... Для этого держали. Собаки, большие, у каждого были» [6. Бурматова Мария Никифоровна. С. 299].

Война и предвоенные коллективизация и раскулачивание, существенно ограничив семейное скотоводство, лишили сельскую семью мехового и кожевенного сырья, которое в традиционном крестьянском об-

ществе шло на изготовление зимнего гардероба и повседневной обуви. Чаще всего отмечается замещение скотских кож собачьими шкурами при изготовлении обуви. Наибольшее распространение получили «собачины» – обутки с верхом в виде чулок под колено с завязками (чулки-голеньища), шерстью вовнутрь. По словам респондентов, такая обувь была теплой. Технология выделки собачьих шкур была идентичной традиционной выделке скотских кож и овчин с сохранением меха и шерсти: «Опару сделают, намажут. Суток двое простоят, а потом очухают их литовками... Царапали их... они сделаются мякенькие...» [5. Бурматова Мария Никифоровна. С. 299]. Также из шкур собак шили рукавицы, шапки и даже шубы для взрослых и детей.

Вместе с тем анализ устных исторических источников показал, что более широкий, чем с собаками, спектр взаимоотношений по линии «человек – животные» в земледельческом обществе существовал с крупным рогатым скотом (КРС). Симбиозом можно назвать отношения сельской семьи и сельского общества с коровами. Коровы в годы войны имели многофункциональное значение в человеческом социуме: источник белка (молоко, но не мясо), основная тягловая сила в семейном и общественном производстве, источник топлива («коровьи лепешки», или глызы, кизяки и т.д.), источник шерсти для изготовления детских мячиков и др. В редких случаях забоя КРС, чаще его падежа, – изготовление обуви (кожа). Контент-анализ материалов интервью показывает, что земледельцы называли их ласково – «коровушка», «кормилица» («коровушка-кормилица»), «труженица», «спасительница», и высоко оценивали их значение в борьбе с голодом и холодом: «У бабушки с братьями была коровка, именно она помогала выжить в голодные военные годы» [5. Худокормова (Дворянкина) Анна Семёновна]. В повседневной практике зафиксированы разнообразные случаи непосредственного спасения человека коровами: «В 1941 г. нас выслали в Сибирь... Там женщины построили землянку, в которой жили мама, я и моя сестра. Однажды ночью сильно шел дождь, и землянка обвалилась. Тогда мы пошли на ферму, стали между коров, чтобы согреться...» [Там же. Гибельгаус (Вайцель) Мария Ивановна].

Функциональное использование КРС было связано прежде всего с тягловыми возможностями коров, которые эксплуатировались и в домашнем, и в общественном производстве. Например, если детьми и подростками для перевозки топлива использовались собаки, то коров запрягали для заготовки топлива в свободное время чаще взрослые: «...женщины, которые работали до самого поздна, приходили домой, запрягали коров и ехали еще за хворостом в колки» [6. Галина Прокопьевна Кондрашова. С. 178]; «На этой корове привозили солому, мякину, полынь для топки печи» [5. Герман Андрей Алексеевич].

В военное время для сельской семьи корова служила основным транспортом: «По ночам мама часто... охраняла ток с хлебом. Мы дома одни оставались. Сами хозяйничали. Запряжем, бывало, ночью свою корову и поедем собирать полынь, чтобы протопить печку наутро.... И пашни с огородами на ней

пахали, и грузы она перевозила, и при этом много молока давала. Корова и большой плодородный огород помогли нам выжить [5. Герасименко (Трифонов) Дарья Николаевна]. А учитывая, что урожайность огородов также зависела от вспашки, то и здесь большую роль сыграли коровы: «Огороды пахали на своих коровах. 4 двора складываются. Запрягают 4 коровы – плуг сзади и вот тут две коровы и тут две коровы. Одна женщина идет впереди, ведет. Эта – с этого бока, эта – с этого бока, а четвертая – сзади. Вот так пахали огород... Огороды были небольшие. Но лопатой копать?! Вперед [раньше] копали лопатой, а попробуйте лопатой перекопать весь огород? А потом стали на коровах...» [7]. В годы войны традиция удобрять огороды коровьим навозом прервалась, так как коровий навоз из коровников и кошар, в соответствии с постановлениями партии и правительства, без остатка уходил на отопление учреждений образования, медицины и здравоохранения, в первую очередь им обеспечивали детские учреждения (школы, детдома и др.) и работников этой сферы (учителей, библиотекарей, фельдшеров и др.), а оставшийся навоз разрешали развозить колхозникам на изготовление кизяка для отопления домов.

Традиции использования КРС в качестве тягловой силы были известны земледельческому населению Сибири до войны благодаря двум факторам. Во-первых, культурному взаимодействию сибирских старожилов юга Западной Сибири в ходе массовых крестьянских переселений с носителями южнороссийских степных культур. Во-вторых, главным образом предвоенному опыту насаждения тягловой силы коров в период коллективизации и массового голода в ряде регионов Европейской России, например в Поволжье. В годы войны государство потребовало заменить в общественном производстве конскую и машинно-тракторную тягу коровами и быками и на поле, и на покосе, и на уборке. Появились постановления и инструкции по использованию коров, а также отчеты, выговоры и судебные решения за неисполнение постановлений. Их названия говорят сами за себя, например Постановление Исполнительного Комитета Чистозерного районного Совета депутатов трудящихся и бюро ВКП(б) (Новосибирская область) от 23 июня 1942 г. «Об использовании коров на сельскохозяйственных работах» [8. Л. 41]. В общественном производстве (колхозы, совхозы) появляется категория «рабочий бык» (кастрированные быки). Использовались даже стельные коровы, «за исключением коров и нетелей, имеющих беременность свыше шести месяцев, новотельных коров в течение двух месяцев после отела, высокопродуктивных и племенных коров, быков-производителей и молодняк в возрасте менее полутора лет». А далее, согласно инструкциям (Облисполком Томской области), рекомендовалось изготовить для работы крупного рогатого скота упряжь, выделенный для работы крупный рогатый скот подобрать в пары по возрасту, живому весу, а коров – и по времени отела; совместно со скотниками приучить коров к работе в упряжке; использовать коров, главным образом, на легких транспортных работах, бороновании и мягкой пахоте легкими плугами. Для дой-

ных коров дневную работу коров разбить на 2–3 равных периода с промежутками между ними для отдыха, кормления и дойки в 2–3 часа; для стельных коров и молодняка установить рабочий день не более 6 часов, а также нормы выработки для коров и молодняка в размере, не превышающем 1/3 норм выработки для лошадей [9].

Для колхозного производства в годы войны обязали использовать не только обобществленный скот, но и домашний крупный рогатый скот. Например, Томский облисполком и Бюро обкома ВКП(б) «устанавливают, что при недостатке рабочих лошадей и волов, особенно в районах, не обслуживаемых МТС, затруднения с живым тяглом могут быть решены только за счет широкого привлечения к сельскохозяйственным работам коров как с колхозных ферм, так и особенно коров личного пользования колхозников». Рекомендовать правлениям колхозов привлечь к полевым работам бычков и коров колхозников, установить такой порядок, чтобы колхозники работали на принадлежащих им коровах... Председатель Томского облисполкома В. Куперт, секретарь Томского обкома ВКП(б) А. Семин» [Там же].

О широкой практике привлечения домашних коров к колхозному производству говорят многочисленные устные свидетельства: «Корову мама брала с собой на работу, потому что корова должна была трудиться» [5. Герман Андрей Алексеевич]; «сено на своих коровах скирдовали у [в] колхозах... В тележку запрягали свою корову, ехали и сено возили...» [7].

Наконец, коровы давали крестьянской семье молоко – главный источник животного белка. Молоко было основой детского питания в годы войны – его пили и варили на нем, до масла, сметаны и творога доходило редко. Чаще рассказывали, что его разбавляли водой, чтобы хватало надолго, так как молоко входило в военные и сельскохозяйственные обязательные налоги для крестьянского двора... [10]. Коровьим навозом, как было сказано выше, отапливали жилье. При этом использовали и остатки несъеденного сена и соломы. В народе их звали «объедья» – толстые стебли сухостоя, с которыми коровы не могли справиться. Но основой топлива являлся коровий навоз из скотных дворов поле зимнего стойлового содержания, который шел на изготовление кизяка, а в летнее время обязанностью детей был сбор засохших экскрементов («коровьи лепешки», или глыбы) в местах прогона и пастбы скота (их заготавливали на зиму) [11]. В устных свидетельствах отмечается и распределение сфер деятельности в борьбе за «коровьи отходы» по линии межгрупповых и межличностных взаимоотношений в детской и подростковой среде. Например, в годы войны возникало распределение между детьми и подростками территорий по сбору «коровьих лепешек». По рассказам детей, это сводилось к контролю над тропами, по которым выгоняли коров на выпас или водопой. Важно было заметить место, где это произошло, и не прокараулить, когда они «застынут». Дети старались иметь свои территории, соперничали из-за сбора «лепешек»: «стадо пройдет, телята ходят... день, два пройдет, пойдешь с мешком, соберешь...» [12].

Таким образом, обжитое пространство и окружающий природный ландшафт стали главными источниками системы жизнеобеспечения земледельческого населения и одновременно полем сражения, особенно для детей, и за съедобные растения, и за топливо, и за белковую ренту «кормящего ландшафта» деревни как альтернативу производимому на домашнем подворье животному белку. Так, в годы войны было зафиксировано распределение между подростками кустов с гнездами птиц для сбора яиц. Но наиболее доступным для них источником животного белка стали суслики. В предвоенное и военное время поголовье этих грызунов увеличилось. В войну, по словам респондентов, «суслики спасли деревню». При этом благоприятно сложились все факторы – и их многочисленность, и несложные орудия ловли, и легкость добычи, и качественное диетическое мясо. Автор, опираясь на устные исторические источники, собственно выделил ловлю сусликов в самостоятельный промысел в годы Великой Отечественной войны. Охарактеризованы половозрастные группы участников в соответствии с целями ловли сусликов, установлены временные рамки промысла, его виды, выявлены орудия и способы промысла в разных природно-географических условиях. Кроме того, описаны способы и рецепты введения субпродуктов сусличьего промысла в семейную и колхозную бригадную систему питания и заготовок на зиму [13]. Вот только шкурки сусликов, как установил автор, не нашли широкого применения в силу их непрочности. Они, по шкале меховщиков, занимали одно из последних мест, уступая другим грызунам, в том числе зайцам, белкам. Тем не менее в годы войны суслики, по словам респондентов, стали сырьем для изготовления и зимнего гардероба, особенно детского (шапки, шубки, рукавички), и обуви [10].

Конкурентами за мясо сусликов у детей выступали и хищники, и домашние собаки. Первые являлись сдерживающим фактором «детских промыслов». «А весной-то свиней выгоняли пасть... Околок у нас был, а в околке много корней, а свиньи корни ковыряют. И вот я... пасу этих свиней. А волков было, деточка, ой страсть. И вот однажды... а у нас была собачка черненькая, Жучка... А сусликов было тьма. Такие желтые. Их ели тогда. Они жирные, хорошие... Собачка-то эта бегают и прыгают и сусликов-то и мышей ловит. А я гляжу: “Ой, – говорю, – Жучка к тебе бежит... какой-то Дружок”. Когда я глянула – это не собака, а волк... Вот, ка-ак крикнула! Он от нее [Жучки] прям близко. Может, метров пять, может, шесть. Я как крикнула: “Жучка!”, а Жучка и этот волк – ко мне. Вот, знаете, как я кричала! Тут огороды у нас близко, старики пололи. Как дедушка бежит Малахов Иван Васильевич да кричит: “Нина, не кричи. Нина, не кричи!”. Если бы дедушка не успел, я не знаю бы, кого бы он [съел]» [6. Грачева Нина Федоровна. С. 114].

В заключение необходимо отметить, что исследование культуры жизнеобеспечения земледельческого населения сибирской тыловой деревни при междисциплинарном взаимодействии антропологии и устной истории открыло перспективы для изучения антропологических аспектов жизнедеятельности земледельче-

ского общества в годы войны, связанных с повседневными практиками борьбы с голодом и холодом с опорой на домашнее производство и окружающий ландшафт. Особое место в адаптации к ухудшившимся условиям жизнедеятельности занимали животные, как дикие, так и домашние. За источники «природной ренты» с одними устанавливались отношения симбиоза, с другими – соперничества. Примером борьбы человека за белковую пищу являлось учащение контактов и схваток с волками, которые в условиях сокращения поголовья домашнего и колхозного скота составили прямую конкуренцию человеку. Усугубили ситуацию для человека в годы войны введение жесткого контроля за поголовьем скота с целью выполнения сельским двором высоких военных налогов, а также наказаний за потерю поголовья общественного скота и другие факторы.

Примеры симбиозных отношений наблюдаются по линиям «человек – собака» и «человек – корова». Наряду с охранным и пастушечьим назначением собак стали выращивать для получения шкур. В этом проявлялись адаптационные свойства крестьянского общества, которое в отсутствие домашнего скотоводства и запрета на использование кожевенного сырья, связанного с обязательными натуральными налогами (кожами, овчинами, молоком, яйцами и т.п.), нашло

замену скотских кож и овчин собачьими. Заместительные технологии фиксируются в процессе выделки их шкур на зимний гардероб и обувь. В качестве заместительных технологий выступали и использование домашних животных – КРС и собак – в качестве тяглового и транспортного средства, использование в качестве топлива отходов скотоводческих подворий (в условиях запрета заготавливать дрова для отопления). Окружающая среда выступала и в летнее (выпаса), и в зимнее время (сено) источником пропитания коров.

В прямом смысле и человек питался дарами природы. И не только растительной пищей (дикоросами, ягодами, грибами, плодами), но и животной. Главным источником в летнее время для земледельческого населения Сибири стали суслики; их даже засаливали на зиму. И как показывают исследования, этим их значение не ограничивается. Шкурки использовались для пошива гардероба и обуви, особенно для детей. Как и в случае с коровами (детские мячи из коровьей шерсти), они нашли применение в детских играх и забавах – сусликов использовали как живые игрушки, запрягая в игрушечные тележки. В случае с дикими животными человек выступал в роли потребителя, используя все источники животного белка, и в этой сфере у него тоже обострялись отношения с хищниками за источники белковой пищи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щеглова Т.К. «Человек в истории» и «История в человеке». Возможности и перспективы устной истории // Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. С. 209–219.
2. Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул : АЗБУКА, 2015. 132 с.
3. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощекровский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Егоровна, 1933 г.р.
4. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2015. Краснощекровский район, с. Усть-Козлуха. Харлова Мария Евдокимовна, 1936 г.р.
5. Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1: Женщина и война. Ч. 2: Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 47.
6. Алтайская деревня в рассказах ее жителей / под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул : Алт. дом печати, 2012. 448 с.
7. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, п. Майский. Дворянкина Мария Тихоновна, 1933 г.р.
8. Муниципальный архив Чистозерской администрации. Ф. 245. Оп. 1. Д. 3.
9. Война. Время томское. 1945 год // Городской портал tomsk.ru. URL: <http://www.tomsk.ru/news/view/102245>
10. Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения и адаптационные практики сельского населения тыловой деревни Сибири на примере собирательства и ловчих промыслов: новые источники, методы и подходы // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабиров. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 379–389.
11. Щеглова Т.К. Культура славянских сообществ Сибири в XX веке: новые подходы и перспективы в научно-исследовательском проекте «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга. Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3 (9). С. 40–49.
12. Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2014. Романовский район, с. Гуселегово. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р.
13. Щеглова Т.К. Сусличьи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Вып. 11 : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Павлодар, 21–22 апреля, 2016 г. Т. 1 / под ред. Т.К. Щегловой, М.А. Демина, И.В. Толпеко, Т.Н. Смагулова, Е.К. Абеуовой. Павлодар : ПГПИ ; Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 152–163.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2016 г.

WILD AND DOMESTIC ANIMALS IN THE SURVIVAL STRATEGIES AND ADAPTATION PRACTICES OF THE AGRICULTURAL POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN 1941–1945: ORAL HISTORY ANSWERS TO ANTHROPOLOGICAL CHALLENGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 167–173.

DOI: 10.17223/15617793/414/26

Tatiana K. Shcheglova, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tk_altai@mail.ru

Keywords: agricultural society; collective farm family; war; survival strategies; protein food; leather and fur raw materials; wolves; gophers; dogs; cows.

The aim of the research is the traditional life sustaining culture of the agrarian population of Siberia in the conditions of cardinal reorganizations and massive cataclysms of the 20th century from the point of view of interaction between people and wild and domestic animals in the context of survival strategies during the war years after the liquidation of individual farms. The main sources of this research are the materials of field research in the Altai in 1990–2016 with the use of the ethnographic and oral history methods and archive documents (the State Archive of Altai Krai). The author suggests a hypothesis that during the war the state (after defarm-

ing) made local authorities rely on their own sources and natural resources, which returned rural population to the traditions of peasant household. The situation when particular relations between agrarian population and domestic and wild animals are developed is being analyzed. Relations with wolves are considered as an independent research problem. The articles points out the expansion of the hunting area of predators. They approached villages that, with the reduction of livestock, became places of concentration of “protein food”, while the demographic imbalance weakened the settled rural population. The places of struggle between men and predators are brought to light – the manufacturing sector of collective farms with barnyards, pastures and individual farmsteads; the objects of struggle were small size cattle, the implements of struggle were fire, light, loud sounds. It is stated that relations between the human community and wolf packs aggravated in winter when natural resources were limited. It coincided with the ritual activity of the agricultural folk calendar of holidays and made collisions of men and predators more frequent. The second topic was relations of the rural community with dogs, whose number increased in the 1940s. The article describes their use as shepherds of collective farm cattle and watchers at individual farmsteads. The role of dogs as the source of raw materials (skins, wool) with the lack of byproducts of cattle breeding is considered. The article points out the use of dog skin and wool for sewing clothes and headwear. The use of dogs as transport means with homemade carriages, which is not characteristic of settled agrarian population, is also mentioned. Special attention is paid to the role of great cattle (especially cows) in the system of life sustaining of the rear village. It is proved that they were not only the source of protein (milk, but not meat), but the main burden cattle in individual and collective farmsteads, the most important source of fuel (“cow patties” and dung cakes); their skins were used in footwear manufacturing, their wool in game-playing culture for making balls for children. A conclusion is made that the wolf turned into the main competitor of man for the natural rent, but man developed a sort of symbiosis with cows and dogs, their functions in individual and collective households extended; their significance in everyday adaptation practices of the struggle with hunger and cold grew greatly.

REFERENCES

1. Shcheglova, T.K. (2012) “Chelovek v istorii” i “Istoriya v cheloveke”. Vozmozhnosti i perspektivy ustnoy istorii [“Man in history” and “history in man”. Opportunities and prospects of oral history]. In: Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
2. Shcheglova, T.K. (2015) *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoy Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Nauchnye i metodicheskie materialy* [Ethnography of the Russian peasantry of the south of Western Siberia in the 20th century: the culture of life support during the Great Patriotic War. Scientific and methodical materials]. Barnaul: AZBUKA.
3. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2015. Krasnoshchekovskiy rayon, s. Ust'-Kozlukha. Kharlova Mariya Egorovna, 1933 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Krasnoshchekovskiy District, v. Ust-Kozluha. Maria Egorovna Kharlova, born in 1933].
4. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2015. Krasnoshchekovskiy rayon, s. Ust'-Kozlukha. Kharlova Mariya Evdokimovna, 1936 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Krasnoshchekovskiy District, v. Ust-Kozluha. Maria Evdokimovna Kharlova, born in 1936].
5. Archive Department of Romanovskiy District Administration. Fund R-67. List 1. File 47. *Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobytiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. Ch. 1: Zhenshchina i voyna. Ch. 2: Deti voyny: rukopis'* [Memoirs of the Romanovskiy district citizens about the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. Part 1: Women and War. Part 2: Children of War: manuscript].
6. Shcheglova, T.K. & Dmitrieva, L.M. (eds) (2012) *Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul: Alt. dom pečati.
7. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2014. Romanovskiy rayon, p. Mayskiy. Dvoryankina Mariya Tikhonovna, 1933 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Romanovskiy District, v. Mayskiy. Maria Tikhonovna Dvoryankina, born in 1933].
8. Municipal Archive of Chistoozersk Administration. Fund 245. List 1. File 3. (In Russian).
9. Tomsk.ru. (2015) *Voyna. Vremya tomskoe. 1945 god* [War. Tomsk Time. 1945]. [Online] Available from: <http://www.tomsk.ru/news/view/102245>
10. Shcheglova, T.K. (2015) Sistema zhizneobespecheniya i adaptatsionnye praktiki sel'skogo naseleniya tylovoy derevni Sibiri na primere sobiratel'stva i lovchikh promyslov: novye istochniki, metody i podkhody [The life support system and adaptation practices of the rural population of the rear village in Siberia by an example of gathering and hunting industries: new sources, methods and approaches]. In: Kabirowa, A.Sh. (ed.) *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. v sud'bah narodov i regionov* [The Great Patriotic War of 1941–1945. in the fate of nations and regions]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, RT AS.
11. Shcheglova, T.K. (2015) Culture of Slavonic communities in Siberia in the XX century: new approaches and perspectives of scientific and research project “Culture of sustainment of rural Russian population of the south of Western Europe during the Great Patriotic War: traditions and innovations”. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3 (9). pp. 40–49. (In Russian).
12. Archive of the Center for Oral History and Ethnography of the Local History Laboratory of Altai State Pedagogical University. Fund 1. *Materialy IEE 2014. Romanovskiy rayon, s. Guseletovo. Sycheva Raisa Dmitrievna, 1927 g.r.* [Materials of the history and ethnography expedition, 2015. Romanovskiy District, v. Guseletovo. Raisa Dmitrievna Sycheva, born in 1927].
13. Shcheglova, T.K. (2016) Suslich'i promysly i sistema pitaniya kolkhoznoy sem'i russkogo naseleniya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: uchastniki, sposoby, orudiya lovli [Gopher industry and the system of collective farm Russian families supply during the Great Patriotic War: participants, methods and tools of hunting]. In: Shcheglova, T.G. et al. (eds) *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae 2015 g.: etnografiya, ustnaya istoriya* [Field studies in the Irtysh, the Upper Ob and the Altai in 2015: ethnography, oral history]. Vol. 11. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute; Barnaul: Altai State Pedagogical University.

Received: 8 November 2016